

ИГНАТ СОЛЖЕНИЦЫН:

«ДЛЯ МЕНЯ КНИГИ ОТЦА — О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ СЕРДЦЕ...»

Кн. обозрение. — 1999 — 6 апр. — с. 4

НЕ ОДНОГО российского читателя интересует вопрос, что читается в семье Александра Солженицына. Само собой, родителей волнует вопрос, что читали Солженицыны-родители своим детям? Мы попытались получить ответы на этот и многие другие вопросы у сына нобелевского лауреата, ныне известного пианиста (несмотря на свою молодость), концертирующего по всему свету, ИГНАТА СОЛЖЕНИЦЫНА. Беседа состоялась во время одного из его приездов в Москву.

нам — и уже на следующий день мы их декламировали. Оглядываясь назад, вижу, что лично мне это очень пригодилось: во-первых, дало мне обширное знание поэзии; во-вторых, тренировку памяти, что для меня как для музыканта очень важно.

— Вы рано познакомились с книгами отца. Не испугало ли вас, ребенка, приобщение к ужасам русской жизни?

— Конечно, материал очень страшный, но какого-то детского страха я не припоминаю. И тогда, и сейчас, когда перечитываю того же «Ивана Денисовича», он меня совершенно захватывает. Мне трудно беспристрастно оценивать творчество отца.

Возьмем, к примеру, «Архипелаг...». Для меня эта книга большой глубины — она не о лагерях, не о советской власти, не о Ленине—Сталине, а о нас самих, о человеческом сердце: кто мы такие? Почему поступали именно так?.. Боюсь неточно процитировать известное высказывание отца в «Архипелаге...», но оно звучит так: линия между добром и злом проходит по сердцу каждого человека. Я думаю, эти слова — символ творчества отца. Эта идея присутствует в любом его произведении. Взять хотя бы «Красное колесо», которое, по-моему, еще недостаточно оценено. В нем самый известный «антикоммунист и антибольшевик» Солженицын не просто излагает историю революции или говорит о том, что, мол, была хорошая Россия, а потом пришла плохая власть... Нет, все гораздо-гораздо глубже! В этом убеждает психологическое (и захватывающее!) исследование сотен персонажей. И здесь нельзя говорить о примитивном раз-

делении людей на хороших и плохих. Того же Николая II отец изобразил ни «плохим», ни «хорошим», а таким, каким он был на самом деле — с христианской чистотой и добротой, с одной стороны, и со всеми его слабостями — с другой. Самая сильная способность искусства — отражение душевных качеств и духовных возможностей человека.

— Что входит в ваш читательский рацион?

— Во-первых, Шекспир. Понимаю, мой выбор не оригинален. Но в его произведениях — весь человек. Во-вторых, Достоевский. Преклоняюсь перед его лазерной интуицией. Он вникает в самую суть человеческой души и этим очень влечет меня. Ну и еще я прочитал буквально всего Диккенса.

— Диккенс — во многом сентиментальный писатель. Вы сентиментальный человек?

— Ни в коем случае.

— Кто вы по темпераменту?

— Мне трудно ответить на этот вопрос. В каждом человеке присутствуют самые разные качества, порой даже конфликтующие между собой. Мне трудно описать себя. Как и всем людям, мне знакомы противоположные эмоции...

— Вашим воспитанием, судя по всему, занимались профессионально. Как вас воспитывали в семье? В чем вы чувствовали родительское воспитание?

— Во-первых, наша семья, с тех пор, как я себя помню, всегда была и продолжает быть очень тесной и очень дружной. Это безусловная заслуга наших родителей. Их отношение друг к другу, естественно, передалось и нам, детям. Нас очень сильно сплотила жизнь в изгнании и особенно — жизнь собственно в

Вермонте, где мы росли, — обособленная, уединенная. Для нас русский язык, русская культура звучали и существовали только в нашем доме. Конечно, приезжали в гости друзья и знакомые отца, но главным было то, что родители сумели воссоздать в доме на чужбине русский воздух, культ русской литературы, культуры, поэзии... Как взрослый и самостоятельный человек могу признаться: я был бы счастлив, если бы мне удалось воспитать собственных детей так, как нас с братьями воспитали наши родители. Я видел много разных семей и могу сравнивать. Мне и братьям никогда не читали нравоучительных лекций. Конечно же, мы чувствовали и строгость: нам даже в голову не приходило не выполнить задания, которые дали мама или папа. А еще мы понимали, что мы — одна команда, и всегда старались помогать (и помогаем сейчас) друг другу. Вначале наша помощь сводилась к перепечатыванию на машинке, раскладыванию по папкам сотен писем, приходивших к отцу со всего света. Иногда я расшифровывал фонограмму какого-либо устного интервью отца. Нередко мы с мамой считывали его рукописи с набором. А позже мы переводили и тексты отца на английский, французский языки — это было нужное и, как ни странно, веселое занятие. И это тоже — часть нашего воспитания.

— Каким вы воспринимаете своего отца?

— Хочу подчеркнуть одну черту в отце: на любой вопрос, даже, казалось бы, на самый бытовой, он умеет взглянуть как-то крупно, глобально, используя свой жизненный опыт. Я очень ценю в нем это качество и счастлив тем, что, решая какой-нибудь важный для меня жизненный вопрос, могу получить мудрый ответ не от кого-либо, а от отца. Это не значит, что я непременно поступлю согласно этому совету, но совет этот для меня, безусловно, весом!

— Чувствуете ли вы себя счастливым человеком?

— Очень, очень счастливым! Почему? Во-первых, мне очень повезло с семьей, ведь родителей, как известно, не выбирают. Мне также очень повезло с профессией. Я занимаюсь тем, что мне всего дороже, — в отличие от того большинства, которое занимается тем, что не любит делать. Музыка — и мое желание, потребность, и моя профессия — музыка. Это — везение и счастье!

Беседовал
Александр ЩУПЛОВ

На снимках из семейного архива:

1. Игнат Солженицын за роялем. «Декабрьские вечера» в Музее им. Пушкина, 1997.

2. С отцом на самодельной скамье (слева направо): Игнат, Ермолай, Степан Солженицыны. Вермонт, 1979 г.

— Игнат, читали ли вам книжки в детстве и какие? Кто — мама или отец?

— Кажется, мы стали самостоятельно читать с очень раннего возраста, к пяти годам уж точно. До того мама и бабушка много читали нам — всем троим братьям, а порой двоим старшим. Но и позже родители читали нам иногда, по вечерам. Первое, что прочитал нам папа, был «Матренин двор». Потом он читал нам рассказы Чехова. Яркое впечатление произвел на меня прочитанный мамой «Сирано де Бержерак» Ростана.

— В каком возрасте вы прочитали книги отца самостоятельно?

— Затрудняюсь ответить точно. Думаю, в восемь-девять лет. Во всяком случае, в двенадцать-тринадцать лет я уже прочитал все самое главное у отца («В круге первом», «Раковый корпус», «Архипелаг...»), кроме «Красного колеса», которое в то время еще писалось.

— Что вами двигало, когда вы стали читать книги отца, — любопытство или совет родителей?

— Сперва, я думаю, предложили родители. В этом я даже уверен. Но могу сказать точно: никакого принуждения читать со стороны родителей я никогда не ощущал. У нас были уроки и с папой, и с мамой, но творчество отца в учебную программу не входило. Знакомиться с ним можно было по собственному желанию. И вот по своему плану, своей методике я прочел все собрание сочинений отца. Для меня это очень важно. Я буквально по несколько раз читал все, что он написал: «Архипелаг...» прочитал три раза, «Красное колесо» сейчас перечитываю второй раз...

— А что это были за уроки у вас?

— С папой мы все трое занимались алгеброй, геометрией и физикой — он по профессии математик и немало лет преподавал математику в школе. Кроме того, отец занимался с нами астрономией. А с мамой пять или шесть лет изо дня в день мы занимались русским языком и литературой — по учебникам, которые она, очевидно, вывезла из Москвы. Мы изучали правописание, писали диктанты и сочинения. Мама привила нам любовь к поэзии.

Нам, детям, легко давалось заучивание наизусть стихов, мама на каждом уроке задавала

